

Ирхин В Ю

**Даниил Андреев и гностическая
традиция**

В.Ю.Ирхин

Даниил Андреев и гностическая традиция

Материалы конференции, посвященной Даниилу Андрееву. 15 ноября 2001 года Обществом ревнителей русской философии была проведена конференция, посвященная 95-летию со дня рождения русского мыслителя Д. Андреева.

(Материалы ряда выступлений публикуются в авторской редакции)

В. Ю. Ирхин

Даниил Андреев и гностическая традиция

Творчество Даниила Андреева представляет собой, несомненно, крупное явление в духовной истории XX века. Будучи наследником Данте и Сведенборга, он соединил в своей жизни и работе выдающееся поэтическое дарование и бесстрашие исследователя иных миров. Здесь хотелось бы обсудить связь идей Д. Андреева с древней гностической традицией, которая во все времена сопутствовала религии. Самостоятельный поиск истины, стремление к познанию всегда дополнял веру.

Хозяйство мира -- из четырех видов, в хранилище их содержат: из воды, земли, воздуха и света. И хозяйство Бога подобно этому из четырех: из веры, надежды, любви и знания. Наша земля -- это вера, в которую мы пустили корень, вода -- это надежда, которой [мы] питаемся, воздух -- это любовь, благодаря [которой] мы растем, а свет -- [это] знание, [благодаря] которому мы созреваем (Евангелие от Филиппа 115).

Слово "гностицизм" в современной богословской литературе постепенно теряет ругательный оттенок. Все чаще признается, что без гнозиса (познания) невозможно даже самое ортодоксальное христианство. На заре христианской эры этот термин в положительном смысле использовался не только еретиками, но и неоплатониками (Прокл) и даже некоторыми отцами церкви. Климент Александрийский, например, считал, что истина делает гностика богом. Грань между еретиками и ортодоксами в то время еще не была четко проведена. И для тех, и для других отношение к библейским текстам было определяющим. Маркион, отвергший Ветхий Завет и занимавшийся препарированием христианских писаний, одновременно способствовал их широкой пропаганде и составлению канона Нового Завета. Другие еретики признавали все Писание, но пополняли его новыми текстами и давали свои собственные толкования, зачастую перевертывающие традиционные представления иудаизма (например, о Боге и Законе). При этом гностики призывали к личному пониманию.

Иисус сказал ученикам своим: Уподобьте меня, скажите мне, на кого я похож. Симон Петр сказал ему: Ты похож на ангела

справедливого. Матфей сказал ему: Ты похож на философа мудрого. Фома сказал ему: Господи, мои уста никак не примут сказать, на кого ты похож. Иисус сказал: Я не твой господин, ибо ты выпил, ты напился из источника кипящего, который я измерил. И он взял его, отвел его [и] сказал ему три слова. Когда же Фома пришел к своим товарищам, они спросили его: Что сказал тебе Иисус? Фома сказал им: Если я скажу вам одно из слов, которые он сказал мне, вы возьмете камни, бросите [их] в меня, огонь выйдет из камней [и] сожжет вас (Евангелие от Фомы 14).

Иисус сказал: Небеса, как и земля, свернутся перед вами, и тот, кто живой от живого, не увидит смерти. Ибо Иисус сказал: Тот, кто нашел самого себя, --мир не достоин его (Евангелие от Фомы 115).

Из приведенных отрывков видно, что имеется в виду не рациональное познание, которое может быть только промежуточным этапом, а тайное знание, внутреннее мистическое озарение. В своих поисках гностики действовали бескомпромиссно. Несмотря на сложные пути, конечной их целью был далекий и неведомый Бог. Человеку, ставшему на путь гнозиса, предстояло победить саму Смерть. Для этого требовалось преодолеть тяжкий путь через жуткие миры, включая суровые преграды, спуски и подъемы, не потеряв при этом мужества. Оды Соломона так описывают погружение Спасителя:

Ад увидел меня и ослабел.

Смерть изрыгнула меня и многих со мною.

Я был для нее желчь и ад.

Важной заслугой гностиков был возврат от попыток перевода Писания на философско-научный язык, начатых эллинистической культурой и продолженных в святоотеческой литературе, к исходному символическому языку мифа, который способен отразить реальность во всей ее глубине (см., напр., "Диалектику мифа" А. Лосева). Однако позднее гнозис часто терял свое "мистическое" содержание и сам вырождался в обычное философствование. Аналогично, высокие этические порывы основателей великих гностических систем (вместе с тем, чреватые дуализмом) часто принимали у их последователей форму абстрактных и неоправданно усложненных схем мироздания. Гностические идеи пользовались достаточно серьезной поддержкой. По свидетельству Тертуллиана, ересиарх Валентин даже претендовал на престол Папы Римского, причем второму кандидату он уступил лишь по причине больших заслуг последнего в мученичестве. Однако уже тогда начиналась борьба со свободной мыслью и делались попытки заявить монополию на обладание истиной.

Для всех сказано: Ищите и найдете (Мф.7:7). Но и тут полезно поспорить о смысле с учетом руководящего начала толкования... Правило веры... не вызывает у нас никаких вопросов -- их выдвигают только ереси, и эти вопросы создают еретиков... Они ссылаются на Писание, и этой своей дерзостью все время смущают многих. А как дело доходит до спора, тут они утомляют твердых, увлекают слабых, а тех, кто посередине, оставляют в сомнениях. Значит, мы лишим их этого выгоднейшего положения, если не станем допускать ни к каким рассуждениям о Писании... Я ничем не рискую, если скажу, что и само Писание по воле Божией так составлено, что предоставляет еретикам материал, -- ибо читаю: Надлежит быть ересям (1 Кор.11:19), а без Писания они быть не могут (Тертуллиан, О прескрипции против еретиков).

Впрочем, неумеренный энтузиазм Тертуллиана привел к тому, что он сам под конец жизни впал в монтанистскую ересь, вступив в конфликт с церковью.

Впоследствии гностики уходят из истории в подполье (например, в лаборатории алхимиков), лишь иногда давая знать о себе в еретических народных движениях. Эти движения были обречены на провал: высокие абстрактные и мистические идеи широким массам не были интересны. Будучи же оформлены в ритуалы и в секты, гностические учения не могли конкурировать с ортодоксией. Прекращение дальнейших поисков истины после утверждения в долгой борьбе Символа Веры имело и грустные последствия. Однозначность догматических формулировок слишком упростила религиозные символы, сделав их плоскими; в дальнейшем и символическое содержание самих догматов начало забываться. Само св. Писание усилиями католической церкви на практике заменяется системой катехизисов, оказываясь по существу недоступным для чтения. В православии, где высоко ценилась книжная грамота, борьба шла с переменным успехом. Как бы то ни было, традиция духовного толкования широко представлена в святоотеческой литературе.

Но поелику некоторым из принадлежащих к Церкви кажется общим правилом держаться буквы Святого Писания, и они не соглашались, чтобы в нем на пользу нашу говорилось что-либо загадочно и намеками, то необходимым почитаю прежде всего пред обвиняющими нас оправдаться в этом, а именно, что не делаем ничего несообразного, стараясь в Божественном и богодухновенном Писании всячески уловить полезное для нас (Гр. Нисский. Изъяснение Песни Песней Соломона).

"Дерзновенные" символические толкования можно найти, например, у Оригена, Григория Нисского, Максима Исповедника. Вообще, они характерны для Александрийской школы (начиная

со св. Климента), а для Антиохийской школы (Иоанн Златоуст, Ефрем Сирий) обычен упор на более буквальный смысл. Впрочем, как признает Церковь, практически у любого св. отца можно выискать еретические положения. Сами св.отцы часто противоречили друг другу и вряд ли претендовали на полноту изложения.

Прошу вас, святейших, и всех, кто будет читать это сочинение, не делать говоримого мной пределом духовного толкования [данных] вопросов. Но если вам самим или при помощи других удастся домыслить или узнать что-либо, то по справедливости считайте это за лучшее и держитесь высшего и истинного разума, плодом которого является полнота убеждения в сердце у тех, кто ищет духовного постижения трудных для понимания вопросов (Св. Максим Исповедник. О различных затруднительных местах Священного Писания).

В Новое время жанр гностической литературы под маской ряда литературных течений возродился в художественном творчестве. Высокие образцы здесь дали Данте, Мильтон, Вильям Блейк (последний достаточно хорошо показал, как песни невинности сменяются песнями опыта, познания). В этом ряду стоят и сочинения Д. Андреева. Будучи помещен в крайне трагические обстоятельства и лишен физического доступа к библиотекам и книгам, он продолжал напряженную творческую деятельность, преодолевая все страдания и болезни. Этим он продемонстрировал непобедимость человеческого духа, для которого нет преград.

В гностическом направлении двигались и некоторые ученые, философы и психологи. Основоположник аналитической психологии К. Г. Юнг записал трактат "Семь наставлений мертвым" от лица древнего ересиарха Василида. Русский религиозный философ Л. П. Карсавин опубликовал апокриф "София земная и горняя" и "Поэму о смерти". В XX веке наконец-то были обнаружены важнейшие подлинные тексты гностиков, ранее считавшиеся безвозвратно уничтоженными и известные лишь в отрывках благодаря сочинениям их противников. Сейчас наиболее популярны найденные в Наг-Хаммади в 1945 г. апокрифические евангелия Фомы и Филиппа; первое из них многие библеисты считают, наряду с каноническими евангелиями, отражающим подлинные слова Христа, а второе относят к традиции ересиарха Валентина. Эти тексты сразу подняли уровень критических и философских спекуляций. Как писал К. Юнг после ознакомления с такими текстами, среди гностиков он обрел друзей, которые его понимали.

Разумеется, для нас уже вряд ли представляет интерес гнозис дуалистического типа, который из этических соображений однозначно отвергал злого ветхозаветного бога-творца, а за компанию

и весь лежащий во зле мир, для описания которого строились сложные уродливые схемы. Впрочем, предвзятое отношение вряд ли позволит понять, что действительно подразумевали древние гностики: их ортодоксальные критики зачастую скользили по поверхности. В гностических текстах можно найти и призывы к Единому, к выходу за пределы любой двойственности. Когда вы сделаете двоих одним, и когда вы сделаете внутреннюю сторону как внешнюю сторону, и внешнюю сторону как внутреннюю сторону, и верхнюю сторону как нижнюю сторону, и когда вы сделаете мужчину и женщину одним, чтобы мужчина не был мужчиной и женщина не была женщиной, когда вы сделаете глаза вместо глаза, и руку вместо руки, и ногу вместо ноги, образ вместо образа,- тогда вы войдете в [царствие] (Евангелие от Фомы 27).

Иисус сказал: Я -- свет, который на всех. Я -- все: все вышло из меня и все вернулось ко мне. Разруби дерево, я -- там; подними камень, и ты найдешь меня там (Евангелие от Фомы 81).

Тем не менее, противоречие между трансцендентным и имманентным Богом разрешить было нелегко. Одним из важнейших элементов мироощущения гностиков был высокий этический порыв, который побуждал их к борьбе с силами зла, богами тварного мира -- архонтами. Эти же причины вели гностиков к конфликту как с иудаизмом, с которым связал свою судьбу бог-демиург, так и с "земной" церковью. Последняя связывается в гностицизме с падшей и породившей этого земного бога Софией, которая становится невольной причиной зла в мире. Параллели ко всем этим образам можно найти в произведениях Д. Андреева. Удачный комментарий, указывающий на их внутренний смысл, можно найти у глубоко исследовавшего гностицизм Л. П. Карсавина.

Не было Хаоса вне Полноты, и не силы иные боролись с Пистис Софией. И не было злым Божество, и не был злым ни один из эонов Его. Так и великий [ересиарх] Василид не раз повторял: "Все готов я признать; не признаю лишь того, что Божество жестокосердо". Но Хаос -- ничто, пустота. То же, что обстоит Софию как вещные силы, что угрожает ей как сила с ликом льва -- лишь разъятость ее, по сущности же -- сама она. И сама она -- все архонты двенадцати эонов, сама -- Своевольный Трехсильный. Но, удержать не в силах единство свое, видит она себя разъятой на части, и кажется ей, что все враждует друг с другом и с нею. Подумай -- ведь каждый из нас в глубине есть София. И разве не обстоит нас мысли наши и чувства, как что-то иное? ... Разве ты не измыслил себе Ялдабаофа, какого-то грозного, злого и темного бога? (София земная и горняя) К сожалению, в общедоступной теософской практике, которая вошла в моду с XIX века, гностиче-

ский подход подвергся вульгаризации и упрощению. Не раскрывая важнейшие религиозные символы, авторы популярных книг как правило ограничиваются внешним подходом, который ничего не дает человеку для решения основной задачи -- понимания своего внутреннего мира.

Как и тексты гностиков, сочинения Д. Андреева имеют глубокое символическое содержание. В "Розе Мира" можно найти много переключек с гностическими апокрифами. К счастью, сейчас у нас есть возможность знакомиться с этими источниками, которой не имел Д. Андреев. Хотя при первом чтении такие тексты кажутся темными, труд по освоению содержащихся в них идей оправдывает себя. Представляется, что так же внимательно следует читать сочинения Д. Андреева. Современный читатель должен найти в них стимул для внутренней личной работы. Искать же в них картины исторического прошлого и тем более предсказания будущего, как это часто делается в оккультной литературе, будет пустым любопытством. Чтобы быть на уровне этих творческих прорывов в неизведанные миры, читатель обязан идти через свое понимание, освоить нелегкое искусство толкования и работать с таким же духовным напряжением, как Д. Андреев.